

ЖЕНЩИНА В РИТУАЛАХ ПЕРЕХОДА, СВЯЗАННЫХ С ТРАДИЦИОННОЙ СЕМЕЙНО-БРАЧНОЙ ОБРЯДНОСТЬЮ, У КОМИ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

Н.А. Лискевич, А.Х. Машарипова

Рассматриваются различные аспекты семейно-брачных обрядов у коми Нижнего Притоболъя, связанных с деторождением, крещением, свадьбой и направленных на обеспечение благополучия, плодовитости, здоровья для главных действующих лиц, прежде всего женщин. Работа основана на анализе полевых материалов начала XXI в. и данных метрических книг церковей Ялуторовского округа Тобольской губернии конца XIX — начала XX в.

Коми Нижнего Притоболъя, семейно-брачная обрядность, ритуалы перехода, сватовство, свадьба, родильная обрядность.

Фактором социальной регламентации воспроизводства группы являлось соблюдение обычаев, связанных с подготовкой и проведением специальных обрядов, способствующих общественному признанию изменения статуса человека, в том числе в случае рождения, перехода в другую возрастную категорию, брака, смерти. Такие действия принято называть обрядами перехода. Цель обрядов перехода — дать возможность индивиду перейти от одной социальной позиции к другой [Геннеп, 2002, с. 8–9]. Обряды, связанные с деторождением, крещением, свадьбой, представляли собой регламентированный ритуал, определяющий последовательность событий, поведение всех участников, и включали большое количество действий магического характера, направленных на обеспечение благополучия, плодовитости, здоровья для главных действующих лиц, прежде всего женщин. Роль мужчины как объекта и субъекта действий в рамках родильной и свадебной обрядности изучена в меньшей степени. С одной стороны, это может объясняться спецификой полевых исследований, когда чаще ведутся разговоры с женщинами, освещающими те стороны традиционной обрядности, которые знакомы им в большей степени, связаны с личными переживаниями и собственным опытом. С другой стороны, во время ритуала именно девушке уделялось особое внимание, так как ее статус кардинально менялся после свадьбы: она становилась женой, женщиной, членом другой семьи, будущей матерью; в период беременности и родов в центре ритуальной жизни также были женщина и ребенок. Большое значение имело выполнение различных действий, направленных на повышение репродуктивных способностей, основанных на рациональных и иррациональных представлениях. Комплекс таких действий входит в комплекс обрядов плодородия [Токарев, 1990, с. 360–374].

В 2004–2008 гг. сотрудниками ИПСО СО РАН проводились полевые исследования на территории компактного расселения коми в Заводоуковском, Юргинском, Ялуторовском, Ярковском районах Тюменской области¹, что позволило выявить подробности традиционной родильной и свадебной обрядности. Современное коми население исследуемой территории является потомками переселенцев 1830–1920 гг. из Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии [Повод, 2008, с. 141–148]. На протяжении второй половины XX в. культура коми нивелировалась, происходило постепенное замещение элементов традиционной одежды, утвари, орудий труда, средств передвижения предметами фабричного производства. Данное обстоятельство определяет особое внимание к тем элементам традиционной культуры, которые маркируют этническое своеобразие изучаемой группы, прежде всего в сфере духовной культуры, что обуславливает необходимость изучения традиционных верований, связанных с анимистическими и магическими представлениями, и семейной обрядности.

Формирование качеств, необходимых для продолжения рода, начиналось сразу после рождения ребенка, поскольку многие магические действия бабушки-повитухи преследовали цель улучшить половой потенциал новорожденного. К примеру, плаценту девочки предпочитали за-

¹ Исследования проводились при финансовой поддержке полевого гранта Президиума СО РАН, в экспедиции принимали участие студенты Института истории и политических наук Тюменского государственного университета.

Женщина в ритуалах перехода, связанных с традиционной семейно-брачной обрядностью...

капывать под порогом, *чтобы за ней сваты велись*, а плаценту мальчишка — в пол, *чтобы не был гулящий* [Шешукова Э.С.]. Уже в добрачный период усваивались знания, навыки и свойства, связанные с рождением и воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства; молодежь наделялась ими в игровой, ритуально-магической форме по мере вхождения в репродуктивный возраст. Практические навыки обращения с детьми большинство девочек получали в семьях, где к уходу за младшими братьями, сестрами и племянниками привлекались малолетние няньки. Запрет на работу в дни религиозных праздников мотивировался тем, что у нарушительницы дети будут калеки. Статус взрослой девицы, «невесты» допускал девушку к информации об интимной стороне жизни, которую она получала от подруг, старших сестер, невесток.

Для подготовки девушки к браку было важно ее участие в молодежной жизни своего населенного пункта. Формами общения можно назвать посиделки-вечорки, совместное участие в полевых работах, на лесозаготовках, что способствовало сближению полов. В будни основной формой сборов молодежи были вечорки, на которых собирались, чтобы вместе прясть, вышивать, заниматься рукодельной работой. Вечеровали обычно в доме у незамужних женщин, *вдовушек* или бедных, которым платили дровами или угощением [Кононова А.Г.]. Собирались, как правило, молоденькие девчонки, 14–15 лет, приносили с собой керосин и сидели до полуночи, к вечеру прибывали парни. В разных концах деревни устраивали свои вечерки, подходила молодежь с хуторов. К примеру, в с. Александровка² выделялись части — так называемые Залог и Плант, с хутора Михайловский приходили на посиделки в Плант, с хутора Малиновка — в Залог [Подласова Е.К.]. С конца 1930-х — 1940-х гг. стали собираться в клубах, которые обычно размещали в здании церкви.

Знакомство и общение молодежи из разных сел происходило в праздники, когда съезжались гости из других деревень. Большое значение имели престольные или «съезжие» праздники, в с. Александровка гости собирались на Троицу (празднуется через семь недель после Пасхи, в воскресенье) и на Николу Зимнего (6/19 декабря), на хуторе Михайловка — в следующее воскресенье после Троицы, в с. Ивановка³ — на Иванов день (24 июня/7 июля), в с. Юргинка⁴ — на Петров день (29 июня/12 июля), в с. Каменка⁵ — на Михайлов день (8/21 ноября), в д. Тихвино⁶ — на Крещение (6/19 января). Кроме того, отмечали Рождество (25 декабря/7 января), Новый год (1/14 января), Крещение, Святки — двенадцать праздничных дней между Рождеством и Крещением, Масленицу, Пасху. На праздники обычно ездили всей семьей на лошадях либо ходили пешком, даже в отдаленные села.

Во время праздников парни присматривали девушек. Нарядная одежда, веселье, общие забавы способствовали сближению молодежи, особенно в Святки, после завершения которых говорили: *Все невесты в подпол попрятались* [Подласова Е.К.]. Численность коми позволяла сохранять групповую эндогамию, в большинстве случаев браки заключались с жителями своей или соседних деревень коми, находящихся в пределах одной волости (позже — одного или соседних районов). Иноэтничные браки до 1940-х гг. были редкостью, но в связи с работой на лесозаготовках стали распространяться браки с русскими. Несмотря на то, что коми села в Притоболье (Александровка, Ивановка, Большое и Малое Тихвино) находились в окружении татарских деревень, общественное мнение не допускало брачных союзов с татарами, это было обусловлено и разной верой, и отличающимися культурными обычаями, кроме того, история взаимодействия коми и татар на протяжении XIX в. была связана с конфликтами из-за земельных угодий, что также увеличивало групповые границы [Повод, 2008, с. 144–146]. Но с появлением совхозов (1970-е гг.) этническая обособленность стала разрушаться, появились и смешанные браки коми с татарами.

При выборе брачного партнера до 1920–1930-х гг. смотрели на имущественное положение, выбирали тех, кто богаче, девушки старались войти в небольшую по численности семью мужа. Чаще всего жених и невеста дружили или симпатизировали друг другу еще до сватовства, но

² Современное с. Староалександровка Яркового р-на Тюменской обл.

³ Село Ивановка Ялуторовского р-на Тюменской обл.

⁴ Деревня Юргинка до 1919 г. входила в состав Ивановской вол. Ялуторовского уезда, в настоящее время территория расположения деревни входит в Юргинский р-н Тюменской обл.; по данным Юргинского районного архива, с 1967 г. в деревне населения нет (Ф. 66. Оп. 3).

⁵ Деревня Каменка в настоящее время входит в состав Шестаковской сельской администрации Заводоуковского р-на Тюменской обл.

⁶ Деревня Большое Тихвино входит в состав Ивановской сельской администрации Ялуторовского р-на Тюменской обл.

были и ситуации, когда желание молодых не учитывалось. Если родителям жених нравился — *силком выдавали замуж* [Подласова Е.К.], да и парней могли женить насильно, если родители считали партию подходящей [Ичеткина А.С.].

У коми-зырян в 17–18 лет девушка считалась невестой. Молодые люди женились в возрасте 20 лет и более. По данным метрических книг Иоанно-Предтеченской церкви Ивановской волости, средний возраст вступающих в брак на рубеже XIX–XX вв. был нестабилен: у мужчин колебался в промежутке 21–35 лет, а в 1905–1919 гг. — 22–24 года, у женщин 19–20 лет [ГУ ГАТО. Ф. И-255. Оп. 3. Д. 104, 211, 213, 215, 431, 456, 459, 460–462, 464, 466–468, 471]. Традиционно считалось, что оптимальный возраст девушки для вступления в брак — до 20 лет, после этого говорили, что она *засиделась*, а после 25 лет считали *старухами* [Подласова Е.К.]. Невеселая судьба ожидала незамужнюю женщину, недаром говорилось: *Без мужа жена — всегда сирота* [Ветошкина Г.Ф.]. После смерти родителей она была обречена на бедность. Крестьянский парень до брака в деревне всерьез не воспринимался, только после брака он становился настоящим «мужиком», т.е. приобретал права и обязанности полноценного члена семьи и общины. Парни старались жениться после армии, после 25 лет они были уже *старыми* для молодежи. К мужчинам, которые не служили в армии, в селах относились настороженно: *не служил в армии — это пустой, значит что-то не так, такого и девки пробовать не хотят* [Пыстина К.И.]. Давление общественного мнения о необходимости семейной жизни подталкивало молодежь к принятию решения о женитьбе. Быть холостяком считалось неприличным, не женились (не выходили замуж) в основном только *умственно неполноценные* [Подласова Е.К.].

Термином «свадебный обряд» именуется как весь брачно-свадебный комплекс, так и каждое обрядовое действие свадебного цикла, а также обряд, санкционирующий брак согласно действующей религии [Лобачева, 1995, с. 55]. Первой частью свадебного обряда было сватовство (*корачьны* — «свататься») [Подласова В.В.]. Сватовству придавалось значение особого магического обряда, который требовал соблюдения определенных правил. За сватовством следовали сговор и рукобיתье (*кикутём*). Обряд сватовства был направлен на получение согласия от девушки и ее родителей на замужество и обсуждение деталей свадьбы. Инициатива сватовства могла исходить как от самого жениха, так и его родителей. Свататься обычно шли группой — сам жених, его родители или дядя, тетя, сестра или кто-то из крестных, брали с собой угощение — спиртное, сладости. Как правило, это происходило вечером, после управления со всеми домашними делами. Родителей невесты иногда предупреждали о приходе, а то они могли и не пустить сватов — не открывали дверь [Ичеткина А.С.]. Чаще беседовала женщина (*сватья*), разговор велся в иносказательной форме, традиционно невесту называли *товаром*, сватовство — *покупкой*, *выкупом*: *Пришли за товаром, товар выкупать; Ваш товар, наш купец; либо вместо молодых называли домашний скот: у вас есть маленькая овечка (телочка), у нас баран (бычок), так, может, мы их спарим?* Родители невесты сразу согласие не давали, обсуждая материальное положение и перспективы будущей жизни, спрашивали согласие девушки. При сватовстве обсуждался объем приданого, и зачастую главным было заполучить хорошую, работающую девушку, а всем необходимым ее обязывалась обеспечить семья мужа [Кононова А.Г.]. Во время сватовства также выясняли, нет ли в роду жениха или невесты серьезно больных, что отражало заботу о будущем потомстве. Чтобы сватовство прошло удачно, использовали и приемы любовной магии, заговоры. Так, Никулина А.Ф. рассказывала, как сватали ее мать, которая была такой красивой, что женихи ей *спать не давали*: будущий муж пошел к гадалке, научившей его *молитве* (заговору), который надо было прочитать три раза, хлопнуть невесту по плечу и позвать замуж. Когда он так сделал, то получил согласие [Никулина А.Ф.]. Вероятно, удар (*шляпкины*) ладонью по плечу или спине невесты для обеспечения успеха сватовства связывался с действием контактиозной магии. Подобный обычай существовал и на прежней родине коми переселенцев [Плесовский, 1968, с. 15]. Существовала примета: *Если невеста пошла в куть* (за печку, или еще называют *женская половина*) — *то будет наша* [Подласова В.В.]. Конечно, если в семье девушки было не очень благополучно или не было родителей, то старалась выйти замуж побыстрее, предполагая, что *замуж пойдешь — сама хозяйка будешь* [Уляшева Ю.Ф.]. Если жених уже был прежде женат, то его называли *соломенным вдовцом* [Уляшева Ф.И.]. После согласия невесты сватов угощали, накрывали на стол — ставили жаркое, картошку, огурцы, капусту, пили чай, договаривались о дне свадьбы. Родители благословляли дочь. Родительскому благословию, а также соблюдению всех обычаев и предпи-

Женщина в ритуалах перехода, связанных с традиционной семейно-брачной обрядностью...

саний придавалось большое значение. Например, бесплодие объяснялось тем, что молодые живут без благословения [Жилина К.Г.].

После сватовства свадьбу назначали обычно через две недели, через месяц. Основными факторами выбора времени свадьбы являлись годовой и хозяйственный цикл, а также экономическое состояние и бюджет бракосочетающихся. Свадьбы делали, как правило, в январе, после Нового года, на Крещение, или осенью — в октябре (на Покров), ноябре. Летом свадьбы бывали редко. Существовало поверье, что в одной семье делать за год две свадьбы — плохая примета: *сестры в один год не могли выйти замуж, и братья также* [Подласова Е.К.]. Неблагополучным считалось заключение брака в високосный год: *Касьян — нехороший год* [Кононова А.Г.]. Свадьбы не устраивали и во время постов. Анализ распределения браков по времени их заключения, по данным метрических книг, показывает, что в конце XIX в. — 1910-х гг. не было венчаний во время четырех многодневных постов: Великого (длился 48 дней перед Пасхой), Петрова (20 дней в мае — июне), Успенского (1–14 августа) и Рождественского (15 ноября — 24 декабря), действовал религиозный запрет на браки также между Рождеством Христовым и Крещением (25 декабря — 6 января), на протяжении Масленицы — недели перед Великим постом, в пасхальную неделю [ГУ ГАТО. Ф. И-255. Оп. 3. Д. 104, 211, 213, 215, 431, 456, 459, 460–462, 464, 466–468, 471]. Такая религиозная регламентация демографического календаря была характерна для всех православных сел Сибири в конце XIX — начале XX в. [Зверев, 2001, с. 132].

В предсвадебный период готовили приданое, включающее все необходимое для дома: посуду, полотенца, скатерти, покрывала, кружева на подушки, постель (перина, подушки), постельное белье, холсты, тканые половики, одежду; если возможности позволяли, могли надевать и земельными угодьями — пашней, покосами. В большинстве случаев основную часть приданого заготавливали заранее, ткали холсты, припасали подушки, перины. Но после договора о дне свадьбы приходилось многое доделывать, и поэтому собирали подружек невесты для помощи — *кто вяжет, кто шьет* [Сердитых В.И.]. Если невеста была из бедной семьи, то замуж выходила и без приданого или с минимальным набором необходимых предметов: *половик, домотканое полотно до 10 м* [Уляшева З.П.]; *а приданого-то было — ковришко вот, да ящичек, да половички, фуфаечки были, и все мое приданое...* [Ичеткина Г.С.]. В период подготовки к свадьбе запасали и продукты, гнали самогонку [Там же].

Свадьбы зимой часто накладывались одна на другую, шли чередом, и вся деревня значительную часть зимнего времени, отдыхая от трудов, становилась участником свадебного обряда. Основная часть свадьбы начиналась накануне венчания (*каризна*) и включала комплекс ритуальных действий, связанных прежде всего с невестой, — прощание с девичеством и посещение бани. Перед свадьбой невеста мылась в бане, которую для нее топила подружка или крестная. За баней нужно было смотреть, так как специально отправляли детей «тушить» баню. У среднеиртышских коми зафиксирован обычай дорожку невесте в баню стелить соломой, сыпать зимой золу, а летом — забрасывать ветками, цветами [Пименова Н.С., Сердитых У.М., Шарاپова А.П.]. Застилание дороги соломой, сеном в традиционных представлениях коми трактуется как обряд, обеспечивающий плодovitость и богатство и предохраняющий от колдовства [Плесовский, 1968, с. 125]. Мыть невесту помогали подружки, иногда крестная. Дружка заранее приносил невесте от жениха подарки — расческу, духи, мыло, зеркало, ленточки красные (допускались и другого цвета — синие, зеленые) [Болотова А.А.]. После использования мыло убирали, в дальнейшем его могли использовать для лечения растущей кости на руке [Смирнова Л.М.]. Жених также мылся в бане, невеста отправляла ему в подарок расческу, духи, мыло, майку и пр. [Сердитых В.И.]. Ритуальное мытье в бане связано с идеей очищения, повышения сакрального статуса брачующихся. Кроме того, обмывание водой могло быть направлено и на повышение репродуктивных способностей девушки [Плесовский, 1968, с. 136].

Вечером накануне свадьбы жених перевозил невесту с приданным к себе домой. Это действие также было ритуализировано. Все приданое складывали в *ящик* (сундук) и везли, как правило, поздно вечером, ночью, воз с ящиком и невестой назывался *глухота*, говорили — *глухоту везут, с глухотой едут*. Такое название объяснялось тем, что везут ночью — в глухую пору, чтобы меньше народа видело, чтобы не *испортили* [Ичеткина Г.С.]. Односельчане устраивали для глухоты шуточные испытания, перегораживали дорогу: *если знают, что невесту привезут, нам соседи или парни собирают веревки, натягают. Там парень стоит, один конец делает, другой парень стоит, другой конец делает. Не пропускают лошадь с «глухотой», пока их не напоишь. А там может, еще десять человек стоит* [Там же].

Родители жениха встречали молодых у дверей дома с хлебом и солью, стелили до крыльца новый половичок. Родители благословляли молодых иконами, жених и невеста целовали иконы, хлеб и проходили в избу. Жених заносил невесту в дом на руках, или шли вместе, при этом существовала примета — чтобы стать хозяйкой, надо встать на порог дома обеими ногами [Уляшева З.П.]. У коми Среднего Прииртышья практиковался обычай, когда молодые у порога вставали на шубу, вывернутую наизнанку (шерстью вверх) [Костромина В.П.]. Шкура в данном случае являлась средством обеспечения качественного перехода молодых в новое социальное (и физическое) состояние, магического воздействия для обретения благополучия [Пропп, 1986, с. 23, 191]. По рассказам притобольских коми, у них шкура заменена домотканым полотном — половичком. Вечер перед свадьбой невеста с подружками проводила в доме жениха с его друзьями и ночевала там же. Подружки помогали в подготовке дома: развешивали новые шторы, полотенца, стелили половики и скатерти, заправляли *на койке новые вышитые околочки* [Ветошкина Г.Ф.].

На свадьбу готовили нарядную одежду, для невесты — юбку и кофту, позже стали шить белое платье и фату. Платье украшали вышивкой нитками или бисером. Свадебную одежду старались хранить в течение жизни — *хранили в ящичке* [Игнатова З.И.], считалось, что венчальную юбку надо использовать и в качестве погребальной одежды — *хоть под низ ее одеть* [Уляшева Ю.Ф.].

Следующий день после *каризны* был началом собственно свадьбы. В целом свадьба продолжалась 3–4 дня. Основными моментами первого свадебного дня являлись церемония венчания и свадебный пир. С утра в доме жениха готовились к отъезду за невестой. Собирались родственники, из которых составлялся свадебный поезд. Для торжественных случаев в деревне специально держали красивых лошадей и сани, разрисованные и украшенные колокольчиками. Обязательным моментом свадьбы было запираение дверей перед прибывшим к дому невесты свадебным поездом, которые открывали лишь после шутливой испытания: за бутылку вина, после ответов на загадки и вопросы [Сердитых В.И.]. Либо натягивали веревки, говоря: *пока не напояти, не пропустим* [Ичеткина Г.С.]. Церемония занимала продолжительное время и в некоторых местах длилась до трех часов. Затем происходила передача невесты жениху и ехали к венцу.

В церковь свадебная процессия отправлялась на лошадях, останавливалась у церковной ограды. Особое внимание уделялось движению свадебного поезда. Если лошади вдруг останавливались, это связывалось с тем, что свадьбу *испортили*. По традиционным представлениям коми, остановка лошадей объяснялась действием колдунов, которые могли оказывать воздействие на будущую жизнь молодых. Поэтому на свадьбу старались приглашать людей, которых подозревали в колдовстве: *брат женился, матери говорят — зови, то не будут жить* [Шешукова Э.С.]. Рассказывали, что в Александровке была *бабушка*, которая портила молодоженов — *косу плела, и что-то клала, потом у жениха не вставало — и расходились. Косу невесте могли испортить в бане, одна после свадьбы говорит — «Какая родилась, такая и умру», и с мужем не жила* [Уляшева Ю.Ф.]. Большинство проявлений вредоносного воздействия на молодоженов представлялось связанным с несостоятельностью брака (*жить не будут, детей не будет, жених будет «неспособный»*).

И саму невесту, и все атрибуты свадебной церемонии старались охранять от потенциального зловредного влияния. К примеру, рассказывали о том, как лошадь во время свадебной церемонии остановилась и не пошла, это связывали с тем, что оглобли могли смазать медвежьим жиром, способствующим раздору молодых. Вредоносное воздействие можно было оказать даже при входе в церковь. Так, при демонтаже ворот забора у здания сгоревшей Иоанно-Предтеченской церкви в с. Ивановка нашли вязальную спицу. Находку объяснили тем, что кто-то пытался *помешать* свадебной церемонии [Никулина А.Ф.]. Чтобы уберечь молодых, у коми использовались различные приемы оградительной магии: двор и дорогу посыпали маком; мак или зерно клали в туфли, в швы рукавов, подола и ворота одежды вдевали булавку и т.д. [Глезовский, 1968, с. 125].

Священнику, который проводил венчание, обязательно дарили подарки — *козин*: холст, пару чулок, рукавицы, деньги [Жилина К.Г.]. Венчание было обязательным элементом в традиционной свадебной обрядности, но уже с 1930-х гг. в связи с закрытием православных храмов не практиковалось, церковная регистрация сменилась гражданской.

Женщина в ритуалах перехода, связанных с традиционной семейно-брачной обрядностью...

После венчания новобрачные ехали на свадебный пир в дом жениха. На свадьбу приглашали родню, друзей. Практиковался обычай взаимопомощи, когда родственники помогали друг другу с расходами. Первый день обычно пировали в доме жениха, второй — у родителей невесты. Могли продолжить гуляние, объезжая родственников из других деревень [Ичеткина Г.С.]. За стол садились вечером, *после управы*, чтобы гулять всю ночь, до 2–4 часов утра. На праздничном столе были брага (сахар, дрожжи, сусло), домашнее пиво, мясо, выпечка. В рамках свадьбы можно выделить вербальные элементы, несущие идею репродукции, связанные с пожеланиями плодovitости как представлением о семейном счастье, к примеру: *сколько кочек — столько дочек; сколько пеньков, столько сынков* [Сердитых В.И.].

Первая брачная ночь была обычно после окончания (или во время) застолья первого дня свадебного пира. Молодые уходили ночевать отдельно, к кому-то из родни, или в соседнюю комнату, или в сарай во дворе. Либо в ходе свадьбы молодых отводили в отдельное помещение — *белым днем, народу полно, все хохочут* [Ичеткина Г.С.]. Их провожали крестные или дружка с подружкой, они должны были выкупать постель: *Дружка приводит спать, а под матрасом чурки и подружка невесты должна выкупать постель* [Баганец В.Г.]. Невеста надевала чистую одежду, и обязательно белую исподнюю рубашку. Целомудрию невесты придавалось большое значение. После уединения с женихом надо было *выводить честь*, т.е. представлять доказательства *честности* невесты, для этого выносили простыню или рубашку со следами крови. Раньше был обычай вывешивать простыню в окошко, вместо занавески, чтоб все люди ходили и видели [Ветошкина Г.Ф.]. Но чаще смотрели только свекровь и самые близкие родственники. Если *нечестная девка* была, то отцу с матерью говорили: *Ну, спасибо, может, скажите, что берем вас* [Там же]. Свадьба расстраивалась, родителям выражали позор, веселья не было. Если невеста честная, *добрая, если рубаха замарана* — начинается гулянье и веселье, *все радостные, всем хорошо, все пляшут и поют* [Ичеткина Г.С.]. Теща подносила жениху на тарелке блин, он его съедал, а тарелку разбивал об угол печки [Сердитых В.И.]. Либо свекровка бросала тарелку и разбивала ее вдребезги [Ветошкина Г.Ф.]. Молодой повязывали красную ленту, на стол ставили бутылку и рюмку с красной ленточкой, и все по кругу пили [Ичеткина Г.С.].

Наутро молодая спрашивала у свекра и свекрови, как ей их величать в будущем, что ей делать, просила благословения. Второй день был насыщен песнями и играми, после чаепития устраивали шуточные испытания для молодых и дарили подарки. Невесте к руке красной ленточкой привязывали веник, которым она должна была мести *сор*, для этого на пол бросали сухие березовые листья, солому, вместе с сором на пол кидали подарки: деньги, шерсть (*куделю*), холст на брюки и рубашку, постельное, полотенца, посуду [Подласова Е.К.]. Рядом с невестой на стуле сидела подружка и складывала на колени подарки. Если дарили скот, то падали на пол и звуками изображали животное: *кто-то корову бросает — падает, мычит, корову дарят, бывало, кто-то овцу дарит, бькает, кто-то поросенка, кто че дарит, то и падает* [Ветошкина Г.Ф.]. Дарящий старался поцеловать жениха, а невеста должна была его отогнать веником и поцеловать первой. Если успевала, ее хвалили: *Молодец, бойкая* [Сердитых В.И.]. Практиковался обычай кражи невесты, ее тайком выводили из дома через дверь или окно, а жених должен был платить символический выкуп, обычно деньгами. Жених колот чурки, в которые забивали *серебряные* деньги.

Через 3–4 дня молодая вместе с мужем и его родителями ходила на блины к своим родителям, носила им гостинцы. Завершением свадебных церемоний являлось приготовление молодой женой для самых близких родственников угощения в виде ячменных пирогов и чая, после которого присутствующие «топтали» новые половики из приданого [Зенько, 2000, с. 167–168]. Соблюдение церемоний считалось обязательным, поскольку правильность их выполнения по ходу ритуала должна была гарантировать молодым счастье и благополучие в супружеской жизни, стабильность брака, а также обезопасить их от вредоносного воздействия.

По традиции в большинстве случаев новобрачные не устраивали отдельного самостоятельного хозяйства, новая семья становилась частью уже существующей семьи отца жениха, в его дом невеста переходила на жительство. Отсутствие необходимости обустроить собственное хозяйство создавало реальную возможность ранних браков. Крестьянская семья строилась на строгом подчинении младших старшим, женщин мужчинам. Невеста, придя в дом жениха, т.е. в другую семью, со своим укладом жизни, очень часто принижалась, между молодой женой и родственниками возникали трения. В большой семье жить было трудно, так как на молодую перекладывали большую часть забот по дому. Поэтому справедливо считали, что чем

моложе невеста, тем легче пройдет ее адаптация к новым условиям. Появление внуков служило гарантом продолжения рода. После нескольких лет совместной жизни молодоженов могли *выделить*, т.е. наделить скотом, землей, построить отдельный дом.

Разводы были очень редко. Вплоть до 1917 г. как официальный брак, так и официальный развод оставались прерогативой церкви. Несогласие между супругами, тяжелые болезни, побои не служили основанием для развода. С 1890-х до 1919 г. в метрических книгах Ивановской церкви было зарегистрировано всего три развода [ГУ ГАТО. Ф. И-255. Оп. 3. Д. 104, 211, 213, 215, 431, 456, 459–462, 464, 466–468, 471].

Женщинам трудно было возвращаться обратно к родителям, это был *позор*. Если все-таки разводились, то жена имела право на свое приданое — *ящик заберешь, скотину какую принесешь, тоже забираешь* [Подласова Е.К.]. Семью старались сохранить и по экономическим, хозяйственным соображениям. По воззрениям крестьян, мужчина не должен был делать женской работы, а женщина — мужской. Приготовление пищи, уход за скотиной, воспитание детей, бытовое обслуживание семьи, включая обеспечение всех ее членов домотканой одеждой, считалось делом женских рук. Полевая же работа, заготовка дров, уход за постройками и т.п. лежали на мужских плечах. Только вместе можно было вести полноценное хозяйство, способное удовлетворить потребности семьи, к примеру — *дрова надо вдвоем пилить* и пр.

Одна из главных функций семьи — воспроизводство. Действия ритуально-магического характера, направленные на защиту репродуктивных способностей, сопровождали человека, особенно женщину, с раннего возраста. В послесвадебный период это было связано в том числе с религиозно-бытовой регламентацией интимной жизни молодоженов. Запрет на сексуальные отношения в период постов, поминальных праздников также мотивировался опасностью зачатия неполноценных детей. О соблюдении этих ограничений свидетельствует сезонный характер рождаемости.

Если беременность не наступала по истечении года после свадьбы, предпринимались ритуальные меры по борьбе с бесплодием. По представлениям коми, каждой матери назначено родить определенное количество детей. Узнать о том, сколько детей еще суждено иметь, может повивальная бабка во время родов по особенностям строения плаценты. Избежать своей судьбы можно, только *спрятать на время* или уничтожив потенциальных детей, т.е. решившись на аборт или совершив ритуал *заговаривания детей* [Моторина К.Ф.]. И то, и другое считалось грехом, однако имело место. А поскольку, согласно поверью, наказанием свыше за попытку взять под контроль детородные функции было бесплодие, женщину, неспособную родить, подзревали именно в этом преступлении. То есть, предполагалось, что внешне здоровая, живущая в браке женщина может не иметь детей потому, что она посягнула на святость материнства. Предохранения от беременности не было, хотя считалось, что в период лактации зачатия не бывает, поэтому старались кормить детей как можно дольше — по году-два [Подласова Е.К.]. Случаи искусственного прерывания беременности были редки, некоторым женщинам прервать беременность помогал отвар полыни или осиновый сок, с помощью которого вызывали схватки [Там же], либо обращались к бабушкам. В Александровке, к примеру, большинство женщин помнит, что аборт ходили делать в д. Чаша, а потом, когда ее затопило, в д. Малое Тихвино к *Гужихе* (Дарья Гужева) [Жилина К.Г., Ветошкина Г.Ф.].

Показательно стремление бездетных супругов усыновить сироту или незаконнорожденного с целью реабилитировать себя в роли родителей или в надежде на то, что *Бог простит и, тут же, вскоре свои пойдут* [Шешукова Э.С.]. Бесплодие могло быть предначертано как испытание или расплата за грехи предков (родителей), или же причиной могло быть материнское проклятье [Там же]. В любом случае отсутствие детей было одновременно несчастьем, грехом и позором. И казалось закономерным покаяние, хождение на богомолье, раздача пожертвований, исполнение обетов — среди способов избавления от бесплодия. Только опытные бабушки-повитухи брались за лечение, и то лишь в случае, если предполагалось, что причина несчастья не Божий гнев, а порча, оговор. Тогда бабушка-повитуха изготавливала целебный отвар и вместе с заговорами применяла молитвы.

У беременных пищевых запретов не было, ограничение в пище практиковалось только во время поста [Подкопаева Н.Ф.]. Предполагалось, что если женщина ограничивает себя, то ребенок может родиться уродом. Чтобы во время беременности не сглазили, женщины защищали себя *молитвами* (заговорами) [Подласова Е.К.]. Существовала примета — ходить перед родами *одним кругом, чтобы послед не завязался, чтобы местечко не путалось* [Шешукова Э.С.].

Женщина в ритуалах перехода, связанных с традиционной семейно-брачной обрядностью...

Считалось, если беременная мотает любую нить (веревку) или переступает через нее, она одновременно запутывает пуповиной-нитью плод в своем чреве [Маркова М.В.]. Существовали запреты на определенные трудовые операции, связанные с использованием колющих/режущих предметов, выметанием мусора, выливанием помоев. Ограничений следовало придерживаться в праздничные и поминальные дни, а иногда и на протяжении всей второй половины беременности. Некоторые правила были адресованы и окружающим, например, *беременной отказывать ни в чем нельзя* [Сердитых В.И.].

Сами роды представляли собой закрытый ритуальный комплекс. Родильный обряд — один из важнейших переходных обрядов, связан с особым пограничным состоянием, представление о котором всегда подразумевает усиление опасности для человека и особенную его уязвимость в это время. Отличает его то, что это «двойной» переходный обряд: новый статус приобретает как ребенок, так и его мать [Белоусова, 2001, с. 5–6]. Один из этапов ритуала можно рассмотреть на примере табуирования информации о начале родового процесса. Согласно поверьям, роженица и ребенок легко могли подвергнуться *сглазу* со стороны постороннего. Уверенность в том, что роженицу в этот период могли легко сглазить не только чужие, но и родственники, заставляло соблюдать следующие требования: *Чем меньше людей знает о родах, тем легче и быстрее они пройдут*. Именно боязнь сглаза, порчи, а не стремление соблюсти определенные этические нормы объясняет обычай сохранять роды в тайне.

Рожать старались *крадче*, чтобы ребенка не испортили, боялись, что потом *не понесешь*. С приближением родов к беременной приглашали повивальную бабку — *гог баба, пуповая баба*, либо женщина сама уходила к бабушке (повитухе). Уже с 1950-х гг. стали практиковаться роды с помощью акушерки. При отсутствии бабки-повитухи необходимую помощь могла оказать любая взрослая женщина, ранее присутствовавшая при родах и умеющая обращаться с новорожденным. Она осматривала роженицу, определяла положение плода, разминала и разглаживала тело беременной, растирала живот коровьим маслом, давала пить успокоительные травы. Применялись и магические родовспомогательные действия, такие как открывание окон, дверей, сундуков, развязывание узлов и расплетание косы. Если роды затягивались, то бабка-повитуха набирала в рот воды и плескала ее на роженицу, приговаривая: *Вода из меня, ребенок из тебя* [Лыйрова Н.З.].

Если у женщин был опыт, то рожали сами, скрываясь в подполье, бане, стайке, или на голбчике за занавеской, на пашне, в поле [Подкпаева Н.Ф.]. Часто рожали в подполье, там были подвешены палки, *как качели на веревке*, за которые держались, чтобы тужиться [Шешукова Э.С.]. Выходили уже с ребенком, объясняя — *зашла и родила нечаянно* [Там же]. Родившемуся ребенку перевязывали пуповину, обмывали и пеленали, обычно заворачивали в старую ткань, к примеру — *рубашу дедову*, мотивируя тем, что ткань мягче [Кононова А.Г.]. При рождении говорили: *кузнэм — «долгий век»* [Рычков В.И.]. Для быстрого заживления пупок посыпали золой. Повитуха также по складкам на ножках определяла, живуч ребенок или нет [Моторина К.Ф.]. Если ребенок родился в «рубашке», ее надо было завернуть и всегда носить при себе, считалось, что она приносит счастье, благополучие, защищает от неприятностей [Подкпаева Н.Ф.].

Роженицу и ребенка бабушка мыла в бане, которую топили три дня подряд. Женщине правили живот, чтобы матка после родов встала на место, поили травой, которая так и называлась «маточная» [Никулина А.Ф.]. Ребенка мыли, правили, у *длинноголовых* правили головку [Подласова Е.К.]. Повитухи должны быть *молитвенными*, т.е. знающими заговоры, умеющими лечить. Им платили чем могли (1–2 руб.), давали подарки. У бедных бабушки ничего не брали, радовались, что зовут *бабничать* [Подласова Е.К., Уляшева Ю.Ф.]. Возможно, это было связано с традиционными представлениями, что каждая женщина хотя бы раз должна была стать повитухой, иначе не попадет на тот свет или будет там принимать роды у собак [Ильина, Уляшев, 2002, с. 17].

Обычно не позднее чем на третий день после родов женщина принималась за повседневную работу. Повседневный уход за ребенком сводился к кормлению и пеленанию. До появления зубов за ребенком требовался особый присмотр, его ни в коем случае нельзя было оставлять одного, особенно в бане, считалось, что *подменят* и он не будет расти. А когда уходили управляться, клали для защиты ребенка на стол или под подушку нож, хлеб или соль [Подласова Е.К.]. Обычно ребенка не показывали посторонним до шести недель, родственникам до месяца. От сглаза могли *солить* ребенку лоб или прикусывали уголок своего платка [Там же].

Тяжелая работа, частые роды влияли на женское здоровье. Некоторые женские болезни объясняли действием колдовства, рассказывали, что в д. Ивановка жила одна бабушка, которая *все болезнь пускала по-женски, называлась резачка, она сама ее и лечила. Все вылечит, а по-*

том снова молитвами (заговорами) отпускает [Там же]. Новорожденные дети часто умирали, без качественной медицинской помощи при родах погибали и женщины: *пришла с работы, забежала в баню, побежала одна, чтобы никто не знал — чтобы не изурочили; сама умерла — послед не вышел, ребенок умер через 3 мес. Соседка сноха слышала, как ребенок в бане ревет, но не зашла, боялась изурочить* [Там же]. Традиционно женщины рожали в течение всего репродуктивного периода, пока сохранялась естественная плодовитость, беременность и рождения следовали непрерывно. Хотя беременность в зрелом возрасте (после 40 лет) считалась неприличной (*Вот стыд-то, вот стыд!*), дети (*поскребыши*) рождались ослабленными, либо могли быть выкидыши. Если в семье уже было много детей, о неродившемся или рано умершем ребенке не жалели: *выпал и ладно; умер и легче, т.к. очень тяжело жили в то время* [Никулина А.Ф.].

Таким образом, семейно-брачная обрядность коми включала целый комплекс ритуалов и мероприятий, связанных с подготовкой девочки/девушки/женщины к семейной жизни, защитой ее репродуктивных функций, повышением плодородия. Механизмом социальной регламентации репродуктивного поведения было распространение стереотипа о *подходящем* времени вступления в брак, ненормальности холостой жизни, ориентация на большие семьи и пр. Переход женщины в новое социальное положение совершался на основе представлений и действий, насыщенных символами, отражающими архаичные аспекты традиционного мировоззрения. Переход сопровождался ритуалами, имеющими аналоги в погребальной обрядности; к ним относятся прежде всего действия подготовительного этапа — закидывание травой или цветами дороги невесты в баню, ритуальное обмывание, проход через домотканое полотно (шкуру) у входа в дом жениха, ночное молодежь бдение перед свадьбой. Представление доказательств *честности* женщины после первой брачной ночи (демонстрация крови) являлось символическим подтверждением утраты старого статуса и приобретения нового (идея смерти и воскрешения). Символично использование красных лент и березовых листьев на второй день свадебной церемонии. Семантическое поле красного цвета (*гёрд*) включало понятия «плодородие», «рождение», «женское лоно», в свадебном обряде красный цвет символизирует любовь, активность, связан с идеей родов, и в то же время он выступал в качестве оберега от зловредных сил и активизировал магическое пространство, связанное с усилением плодовитости женщин [Уляшев, 1999, с. 16, 42–43, 78, 84]. Береза, по народным представлениям, — дерево возрождения, отмечена семантическая связь золотой березы (*везь кьдз*) с рождением, родами [Там же, с. 49]. Образ березы в традиционном мировоззрении ассоциируется с переходом к весне, движением в верхний мир [Шарапов, 1992, с. 138].

Высокая степень сакральности обрядового действия выражалась и в выборе времени (вечер/ночь для сватовства, перевозки приданого, проведения свадебного пира), и в необходимости символического освоения пространства, связанного с преодолением преград у дома невесты, при движении свадебного поезда, катании на лошадях по селу. Свобода движения свадебной церемонии была залогом благополучной жизни, остановка лошадей показывала враждебность, недоброжелательность сакрального пространства, выражающиеся якобы во вредоносных действиях колдунов.

Выход из репродуктивного возраста переводил женщин в новое социальное положение — *бабушек*, которые наделялись новыми качествами, связанными и с домашними функциями, и, в частности, со способностями к лечению (при наличии зубов), и с сакральной чистотой (*молитвенностью*). Если бабушки были одиночками (*вдовушками*), т.е. не жили половой жизнью, то и пространство вокруг них становилось *чистым*: так, к примеру, лекарственную траву можно было рвать не только в *дубраве*, но и в огороде у вдовы [Подласова Е.К.].

Структура традиционной свадьбы, семейно-брачные обычаи нижнетобольских коми имеют общие элементы, характерные для сысольцев, вычегодцев, проживающих на территории Коми края [Народы Поволжья..., 2000, с. 117–144; Плесовский, 1968, с. 121–164; Традиционная культура..., 1994, с. 148–171]. В целом, несмотря на значительную трансформацию многих аспектов традиционной семейно-брачной обрядности, можно констатировать, что у коми Нижнего Притобья сохраняются, хотя и фрагментарно, представления, отражающие этнокультурную специфику обрядовой жизни и отношение к особой роли женщины в ритуалах перехода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белоусова Е.В. Предисловие // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. 319 с.

Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.

Женщина в ритуалах перехода, связанных с традиционной семейно-брачной обрядностью...

Зверев В.А. Семейный демографический календарь: Годовой цикл, свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 131–145.

Зенько А.П. Опыт изучения традиционной культуры коми-зырян юга Тюменской области (по материалам этнографической экспедиции 1991 г.) // Итоги полевых исследований. М., 2000. С. 150–176.

Ильина И.В., Уляшев О.И. Некоторые аспекты изучения мужского и женского в культуре коми // Фольклористика коми. Сыктывкар, 2002. С. 16–25.

Лобачева Н.П. Что такое свадебный обряд? (Опыт изучения содержания брачно-свадебной обрядности) // ЭО. 1995. № 4. С. 55–64.

Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. 579 с.

Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми: Обряды и причитания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 262 с.

Повод Н.А. Особенности освоения территории Нижнего Притоболья коми переселенцами в XIX в. // ВИАЭ. 2008. № 9. С. 141–148

Пропл В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 360 с.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

Традиционная культура коми: Этнографические очерки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. 272 с.

Уляшев О.И. Цвет в представлениях и фольклоре коми. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. 156 с.

Шарапов В.Э. Береза и ель в мифологических представлениях коми // Уральская мифология. Сыктывкар, 1992. С. 138.

Список информантов

Омская область

Баганец В.Г. 1931 г.р., коми, с. Лагушино Калачинского р-на.

Костромина В.П. 1932 г.р., коми, д. Киберспасское Калачинского р-на.

Пименова Н.С. 1926 г.р., коми, с. Лагушино Калачинского р-на.

Сердитых У.М. 1926 г.р., коми, с. Лагушино Калачинского р-на.

Шарапова А.П. 1925 г.р., коми, с. Золотая Нива Оконешниковского р-на.

Тюменская область

Болотова А.А. 1925 г.р., коми, с. Ивановка Ялуторовского р-на.

Ветошкина Г.Ф. 1927 г.р., коми, с. Староалександровка Яркового р-на.

Жилина К.Г. 1936 г.р., коми, с. Ивановка Ялуторовского р-на

Игнатова З.И. 1927 г.р., коми, с. Староалександровка Яркового р-на.

Ичеткина Г.С. 1928 г.р., коми, с. Шестаково Заводоуковского р-на.

Кононова А.Г. 1921 г.р., коми, с. Староалександровка Яркового р-на.

Лыйрова Н.З. 1929 г.р., коми, с. Ивановка Ялуторовского р-на.

Маркова М.В. 1929 г.р., коми, с. Ивановка Ялуторовского р-на.

Моторина К.Ф. 1928 г.р., коми, с. Ивановка Ялуторовского р-на.

Никулина А.Ф. 1916 г.р., коми, с. Староалександровка Яркового р-на.

Подласова В.В. 1934 г.р., коми, с. Староалександровка Яркового р-на.

Подласова Е.К. 1924 г.р., коми, с. Староалександровка Яркового р-на.

Подкопаева Н.Ф. 1931 г.р., коми, с. Староалександровка Яркового р-на.

Пыстина К.И. 1918 г.р., коми, с. Лабино Юргинского р-на.

Рычков В.И. 1937 г.р., коми, с. Староалександровка Яркового р-на.

Сердитых В.И. 1937 г.р., коми, д. Большое Тихвино Ялуторовского р-на.

Смирнова Л.М. 1945 г.р., коми, с. Ивановка Ялуторовского р-на.

Уляшева З.П. 1928 г.р., коми, с. Староалександровка Яркового р-на.

Уляшева Ф.И. 1925 г.р., коми, с. Староалександровка Яркового р-на.

Уляшева Ю.Ф. 1926 г.р., коми, с. Староалександровка Яркового р-на.

Шешукова Э.С. 1928 г.р., коми, д. Большое Тихвино Ялуторовского р-на.

Тюмень, ИПОС СО РАН

nina_povod@mail.ru

esenewka@yandex.ru

The article considers different aspects regarding family and conjugal rites connected with birth giving, christening, and wedding with Komi from Low Tobol basin and aiming to provide well-being, fertility, and health for main persons, first of all, women. The paper is based on studying field data of the early XXI c., supplied with metric books' data from churches of Yalutorovsk Okrug, Tobolsk Guberniya of late XIX — early XX c.

Komi from Low Tobol basin, family and conjugal rites, transition rituals, matchmaking, wedding, birth rites.